

З. Д. Титова

**ДНЕВНИК Т. КЕНИГСФЕЛЬДА — ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
ИСТОЧНИК ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.
ПО НАРОДАМ СИБИРИ**

Этнографическая литература небогата изданиями первоисточников. Поэтому каждый новый материал, обогащающий ее, заслуживает самого пристального внимания.

В настоящей статье речь пойдет о рукописи «Voyage de Koenigsfeld et Delisle à Béresof» (1740 г.) из архива Всесоюзного Географического общества СССР, которую до настоящего времени не использовали этнографы-сибиреведы¹.

Рукопись была принесена в дар обществу князем И. А. Долгоруковым в 1849 г. Она состоит из двух частей: «Дневника путешествия» и «Корреспонденции» (то и другое на французском языке). Для этнографов интерес представляет «Дневник». Из текста (л. 17) выясняется, что автором его был студент Географического департамента Академии наук Тобиас Кенигсфельд. Имя это малоизвестно в литературе. Лишь в двух работах приведены биографические сведения о Кенигсфельде². Его родители были выходцами из Лифляндии, а сам он родился в Вологде в 1716 г. Т. Кенигсфельд закончил университет в Галле со степенью кандидата математики. Прибыв в 1736 г. в Петербург, он был зачислен в «Географическое бюро» Академии наук, где вычерчивал карты под руководством академика Н. И. Делиля. В 1740 г. Делиль поехал в Березов для наблюдений за прохождением Меркурия через солнце. Его сопровождали 18 помощников, в том числе Т. Кенигсфельд. Сведения об этом путешествии впервые были опубликованы на французском языке только 39 лет спустя³. В начале XIX в. полные сведения были опубликованы в журнале «Новости литературы»⁴. И только в 1865 г. появилась большая работа, посвященная путешествию Делиля⁵. Автор ее, П. П. Пекарский, освещает весь ход подготовки экспедиции, ее проведение и результаты, объясняя при этом причины разрыва Делиля с Академией наук и его отъезда на родину. Известно, что Делиль увез все материалы, хотя обязан был оставить их в Академии. П. П. Пекарский установил, что в основе первой публикации («Extrait...») лежит рукопись, хранящаяся в Морском архиве в Париже.

¹ Архив Всесоюзного географического общества СССР, ф. Б-30.

² «Материалы для истории Академии наук», т. 3, СПб., 1886, стр. 41, 715—718; т. 4, СПб., 1887, стр. 18, 540, 626—628, 740; т. 5, СПб., 1889, стр. 5, 129, 131—139, 245, 246, 251, 260, 261, 275, 276; А. И. Андреев, Сибирские зарисовки первой половины XVIII в., «Летопись Севера», 1949, № 1, стр. 125.

³ «Extrait d'un voyage fait en 1740 à Bérésow en Sibérie aux dépens de la Cour Impériale par M. De l'Isle, doyen de l'Académie de Pétersbourg pour y observer le passage de Mercure sur le disque du Soleil et du journal de M. Koenigsfeld, qui l'accompagnait», «Histoire générale des voyages», Amsterdam, 1779, vol. 24.

⁴ В. Берх, Путешествие астронома Делиля и проф. Кенигсфельда из С.-Петербурга в Березов, «Новости литературы», СПб., 1823, кн. 4, № 14, стр. 1—11; № 15, стр. 17—27; № 16, стр. 33—36 (этнографические сведения здесь отсутствуют.—З. Т.).

⁵ П. П. Пекарский, Путешествие академика Н. И. Делиля в Березов в 1740 г., «Записки Академии наук», т. 6, СПб., 1865, прил., стр. 1—74.

Возникает вопрос, как связана рукопись Архива Географического общества со всем рукописным наследием Делиля. На этот вопрос отвечает В. Я. Струве⁶, установивший, что «Дневник» и копии двух писем представляют собой недостающую часть собрания рукописей Делиля, находящегося в Морском архиве. Что же касается опубликованного описания путешествия в Березов («Extrait...»), то при сопоставлении с текстом рассматриваемой рукописи видно, что оно представляет собой смесь выписок Делиля с некоторыми подробностями из «Дневника» Кенигсфельда. При этом в «Extrait...» опущены любопытные сведения, касающиеся истории России.

«Дневник» Кенигсфельда, хранящийся в Географическом обществе,— не подлинник. Как видно из примечания, он был первоначально написан по-немецки⁷ и позднее переведен на французский язык для Делиля самим Кенигсфельдом. Но перед нами, вероятно, и не оригинал французского перевода, а копия с него, возможно, сделанная самим Делилем. В пользу такого предположения говорят, во-первых, многочисленные поправки в тексте — замена многих французских слов и выражений более точными, а во-вторых, сходство почерка, каким написано имя Делиля, с его собственноручной подписью.

«Дневник» путешествия начат 28 февраля 1740 г. и доведен до 12 января 1741 г. К нему приложены рисунки, которые также представляют собой копии и не отличаются высокими художественными достоинствами. Тем не менее они дают представление об изображенных на них предметах.

Для этнографа Сибири дневник Кенигсфельда интересен прежде всего тем, что в нем можно найти, хотя и немногочисленные, сведения о жизни некоторых народов Западной Сибири; он также содержит большой материал о языках хантов, манси и отчасти ненцев.

Автор «Дневника» во время своего путешествия встречался с представителями различных народов Западной Сибири. Первыми были манси (вогулы), жившие в селе Вогульском в 14 верстах от р. Тавды. Они, как отмечает Кенигсфельд, внешне похожи на калмыков, живут в глухих лесах и очень бедны. Путешественник заинтересовался языком манси и записал около 30 слов (л. 12).

Далее путь Кенигсфельда лежал через земли тобольских татар. Он сделал зарисовку внутренней части одной из татарских юрт, посетил татарскую усадьбу и дал подробное ее описание (л. 71).

Больше всего в «Дневнике» интересных наблюдений над жизнью хантов (остяков). И хотя сведения эти фрагментарны и касаются только материальной культуры и языка, о них все же стоит рассказать.

Напомним, что этнографические источники о хантах первой половины XVIII в. весьма незначительны. Следует назвать прежде всего сообщения пленных шведских офицеров Ф. И. Страленберга, лейтенанта Мартина, И. Б. Мюллера, сосланных в разные города Западной Сибири, труд Гр. Новицкого «Краткое описание о народе остяцком 1715 г.» (Новосибирск, 1941); записки пленного польского полковника Людвиг Сеницкого (L. Sienicki, Dokument osobliwego miłosierdzia Boskiego..., Wilnie, 1754) и, наконец, сведения, сообщенные первым путешественником по Сибири Д. Г. Мессершмидтом.

Дневник Кенигсфельда содержит данные, которые отсутствуют в упомянутых работах. Поэтому он является ценным дополнением к этим источникам.

⁶ В. Я. Струве, О рукописи астронома Делиля, принесенной в дар Русскому географическому обществу членом оного князем И. А. Долгоруковым, «Записки Русского географического общества», кн. 3, 1849, стр. 50—67.

⁷ По утверждению А. И. Андреева, немецкий оригинал «Дневника» не сохранился. См. А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири XVIII в. (первая половина), М.—Л., 1965, стр. 71.

Рис. 2. Остяцкая девушка в костюме, сшитом из ткани

такая же стрела, иногда отравленная; *d* — стрела с наконечником, заостренным со всех сторон, сделанным из самой твердой стали (им можно резать железо). Стрелу с таким наконечником пускают с очень большого расстояния; она пробивает кольчугу и поэтому называется «стрелой для восточной кольчуги».

Отравленные наконечники стрел типа *b*, *c* и *d* эвенки и другие народы носят завернутыми в кожу.

Ниже изображены стрелы ненцев также «соответственно их истинному размеру»: «*F* — древко стрелы обычно длиной 1,5 аршина, а то и больше; *d* — стрела ненцев особой формы; ханты имеют такие же (отмечено знаком *), но меньших размеров. Когда такие стрелы попадают в животное или человека, они разрезают кость надвое. Стороны наконечника — *dx* и *dz* — заострены и способны рассечь позвоночник оленя или лося одним ударом на расстоянии 150 шагов. *C* — стрела, которой ненцы обычно пользуются при охоте на животных, чтобы не портить

шкуру слишком широкой раной. В — стрела, способная проникнуть между колечками кольчуги. Ею можно стрелять издали, концы ее наконечника сильно заострены. А — стрела в форме долота, наконечник, заостренный со стороны х, изготовлен из лучшей стали. Ненцы пользуются такими стрелами, чтобы срезать колечки кольчуги эвенков, своих врагов».

В двух верстах от Филинского погоста Кенигсфельд встретил ханта, который шел на охоту, держа в руке лук из твердого дерева и палку; к правому плечу у него был привязан колчан из оленьей кожи, наполненный стрелами. Внимание путешественника привлекла палка-посох, напоминающая нашу лыжную. К нижнему ее концу был привязан деревянный круг с пропущенными через отверстия ремнями, с тем чтобы палка не увязала в снегу. На противоположном ее конце находилась лопатка, которая служила для разгребания снега, когда охотнику приходилось ночевать в лесу. Отметим, что такой палкой ханты пользовались очень широко. На ногах охотника были лыжи, обтянутые оленьей кожей (*wil-sog*) (л. 19).

Ханты из Калпатского погоста показали Кенигсфельду «забавную машину», с помощью которой они ловили белок и горностаев. Она была сделана из дерева и конского волоса и напоминала арбалет — старинное ручное метательное оружие в форме лука (л. 57).

По дороге в Березов, недалеко от Сарнаровского погоста, Кенигсфельд видел нарты, запряженные пятью собаками. Туловище каждой собаки было обернуто ремнем, который веревками прикреплялся к нартам. Сами нарты, очень крепкие и легкие, были сделаны из ивовых прутьев. На них ханты совершали все свои переезды.

В Березове Кенигсфельд видел нарты (*wil-ogol*), в которые были запряжены олени. В своем «Дневнике» он пишет, что управляли оленем при помощи веревки, привязанной к его рогам. Однако эти сведения ошибочны, так как управляли оленьей упряжкой при помощи хорея, им также погоняли оленя.

Далее Кенигсфельд рассказывает о жилище хантов. Он отмечает, что в каждой юрте был очаг, в котором все время горел огонь. Однако дыма, которого так много в жилище татар и даже русских, здесь не было. В крыше ханты делали отверстие примерно в 1,5 фута диаметром, заменявшее окно в юрте — через него проходил дневной свет; на ночь его закрывали тальником. Вечером в юртах зажигали светильники, фитиль которых был сделан также из волокон тальника и обильно смочен рыбьим жиром. Вдоль стен юрты на расстоянии примерно фута от земли стояли нары, пяти-шести футов шириной. На них лежали циновки из разноцветных тростниковых рогож с подушками, набитыми птичьими перьями. На стенах над нарами висели такие же рогожи, раскрашенные в темные цвета. Иногда циновки и подушки покрывали шкурами выдры, выкрашенными в красный цвет. Если несколько семей проживало в одной юрте, ее делили на несколько частей по числу семей (л. 23, 24).

Интересно сообщение Кенигсфельда об одежде хантов. Чаще всего они шили ее из рыбьей кожи, причем чешую не счищали (*panniny-sog*). Женщины окрашивали свой костюм в огненно-желтый или красный цвет при помощи сока растений. Зимой и летом женщины и мужчины носили также одежду из шкур выдры. Однако, сообщал Кенигсфельд, ханты все чаще начинают одеваться на русский манер и шить одежду из полотна, китайки и других тканей. На рис. 2 изображена остяцкая девушка 20 лет, которая несет для продажи бурак (по местному *туес*) с яйцами. На девушке голубая кофта, подпоясанная красной лентой, и голубая юбка с белым рисунком; на голове у нее белая полотняная повязка, на ногах — черные туфли.

Основной пищей хантов, по свидетельству Кенигсфельда, была рыба, главным образом карась. Но ловили они и больших рыб: осетра, нельму

le 29 de May. Vue de deux Chaques ou Canots d'Ostiaques sur l'Obi,
avec deux Menes, ou Ostiaques qui rameur.

A. Ostiaque à gauche comme à l'ordinaire, se tenant sur une eau tranquille.
B. Deux Ostiaques voguent pendant un long voyage pour aller prendre du poisson.
D. L'ostiaque nommé K. dans leur langue qui de l'airain prendra sur le dos quand les autres
sont chassés. K. est nommé. L. ne connaît la profondeur de l'eau. Il prendra notice comme on
le fait de bêtes sauvages.

Рис. 3. Лодки хантов («верейки»)

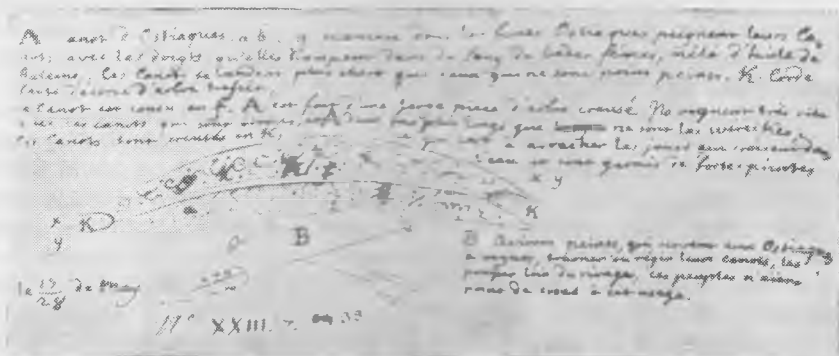

Рис. 4. «Дорогая» лодка, сделанная из выдолбленного дерева

и др. Из рыбьих кож, сшитых вместе, изготавливали мешки, окрашивали их в желтый цвет и использовали для различных нужд (л. 36, 37). Ханты употребляли в пищу также мясо диких гусей и уток. Ловили дичь сетями (вероятно, это сеть-перевес, которая была известна хантам), протягивая их между деревьями над маленькими ручьями, куда залетали птицы. Если охотнику везло, то в сети попадалось от 80 до 150 птиц одновременно (л. 42). Часть пойманных птиц обменивали на табак. Ханты большие любители табака. За два табачных листа они отдавали полдюжины, а то и дюжину уток и гусей, а иногда и шкурку дорогого зверька. От курения ханты сильно пьянели. Курение применяли и как рвотное средство. Для этого брали в рот воду, а потом затягивались табачным дымом. Трубки хантов представляли собой четырехугольный, выдолбленный камень, в который был вделан деревянный мундштук длиной в фут, обтянутый кожей. Когда табак кончался, курильщик разбирал трубку, выскребал то, что накопилось внутри нее, и вновь набивал трубку (л. 20).

Любопытные данные сообщает Кенигсфельд о лодках хантов. Обычные лодки, которые русские называли верейками, были очень невелики, длиной не более 7 футов, шириной 2 фута. Они с трудом вмещали двух человек, причем гребец всегда стоял на коленях. На рис. 3 изображены такие лодки. В одной человек гребет, стоя на коленях; в другой два

человека, один гребет веслом, стоя на коленях, а второй измеряет глубину реки. На лодке кровью диких зверей нанесен рисунок (*n*). Ханты изображены в капюшонах, так называемых кюс, которые в жаркую погоду откидывались на спину.

Кроме маленьких лодок, у хантов были еще «дорогие» лодки, очень узкие и в два раза длиннее, чем верейки. Одна из них изображена на рис. 4. Каждая сторона лодки сделана из выдолбленного дерева (*A*) и украшена рисунком (*a, b, c, d*), который женщины наносили пальцами, обмакивая их в кровь диких зверей, смешанную с китовым жиром. Лодка шивная. На рисунке показаны шов — *f* и *K* — канат, сплетенный из лыка. Лодка имеет вырезы на бортах (*κ*) с сильно заостренными концами (*x, y*), помогавшие ей проходить в местах, заросших тростником. Гребли в такой лодке двумя разрисованными веслами (*B*), которые служили также для управления лодкой и для отталкивания от берега. На суше ханты перевозили лодку с помощью двух собак.

К 1740 г. почти все ханты были крещены, но у многих из них сохранились еще древние верования. Так, они продолжали приносить жертву «шайтану», чтобы задобрить его. Изображения таких «шайтанов» вырезались в лесах на деревьях, им приписывалась сверхъестественная сила. Согласно верованиям хантов, уничтожить такое изображение — значило принести людям несчастье (л. 23, 28).

На пути в Березов и в самом городе Кенигсфельд сделал несколько беглых записей о языке хантов. В частности, он отметил, что ханты до крещения поклонялись воздуху, небу и богу, но все эти три понятия обозначались одинаково — *do rom*.

В Березове от своего караульного казака, уроженца этого города, Кенигсфельд записал некоторые слова на языке хантов: мать — *anga*, отец — *asa*, брат — *goib*, сестра — *gewi* и т. д. Здесь же он записал счет: один — *kat*, два — *chollen*, три — *nelg*, четыре — *wet*, пять — *cho*, шесть — *labat*, семь — *nuil*, восемь — *wertiangl*, девять — *janil*, десять — *ikosian*, одиннадцать — *kat-kosian*, двенадцать — *choll-kosian*, тринадцать — *nel-kosian* и т. д., сто — *sath*, тысяча — *janck-sath*. Для сравнения Кенигсфельд привел счет ненцев и манси (л. 36, 37).

Таковы немногочисленные материалы Кенигсфельда об одном из народов Западной Сибири — хантах, которые могут несколько дополнить материалы, имеющиеся в работе В. Ф. Зуева⁸.

В заключение отметим, что в «Дневнике» есть любопытные сведения о якутах. Сам Кенигсфельд с якутами не встречался, но во время своего пребывания в Тобольске познакомился с человеком, жившим долгое время в Иркутске и Якутске. Человек этот хорошо знаком с жизнью якутов; он рассказал Кенигсфельду об их религии, шаманах и жертвоприношениях (л. 86—90). Эти сведения будут также полезны исследователям Сибири.

⁸ В. Ф. Зуев, Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1872), «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 5, М.—Л., 1947.